

Әдебиет:

1. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. — Cambridge: Polity Press, 2012. — 200 p.
2. DataReportal. Digital 2024: Kazakhstan. — 2024.
3. Қазақстан Республикасының Ұлттық статистика бюросы. Жастар және интернетті пайдалану туралы есеп. — Астана, 2023.
4. Reuters Institute Digital News Report 2023. — Oxford, 2023.
5. Pariser E. The Filter Bubble. — New York: Penguin Press, 2011.
6. Freedom House. Freedom on the Net: Kazakhstan 2023. — Washington, 2023..

**Асадуллаева Ф.М.**, Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А.Букетова, исторический факультет, гр. МО-23-3р, студент  
(*Научный руководитель – к.и.н., ассоциированный профессор Досова Б.А.*)

### **ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ООН**

Миротворческая деятельность ООН берёт своё начало в 1948 году, когда Совет Безопасности принял решение направить на Ближний Восток военных наблюдателей для контроля за соблюдением соглашений между Израилем и соседними арабскими государствами. С этого момента Организация Объединённых Наций реализовала свыше 70 операций по поддержанию мира, в которых участвовали сотни тысяч военнослужащих более чем из 120 стран. Основная задача таких миссий заключается в использовании многонациональных контингентов для контроля прекращения огня, защиты мирного населения, содействия политическому урегулированию конфликтов и помощи в восстановлении государственных институтов и принципа верховенства права [1].

Несмотря на значительный опыт и институциональное развитие, миротворческая деятельность ООН в последние десятилетия всё чаще оценивается как находящаяся в состоянии кризиса. Ряд операций продемонстрировал ограниченную способность предотвращать эскалацию насилия и обеспечивать устойчивое постконфликтное урегулирование. Возросшая сложность современных конфликтов, расширение мандатов и несоответствие между поставленными задачами и реальными ресурсами усилили структурные проблемы миротворчества. В этих условиях вопрос об эффективности операций неизбежно приобретает политическое измерение.

Миротворческая деятельность ООН исторически была глубоко политизирована, поскольку любые операции по поддержанию мира реализуются на основе политических решений государств-членов. В то время как задачи миротворчества формулируются как универсальные и нейтральные, на практике именно политические интересы государств и взаимодействие между ними определяют содержание, полномочия и результативность миссий. На современном этапе эти политические причины продолжают оставаться одними из ключевых факторов, объясняющих непоследовательность, противоречивость и низкую результативность миротворческих операций.

Во-первых, ключевым ограничением миротворческой деятельности ООН остаётся её зависимость от политического консенсуса в Совете Безопасности. Совет Безопасности ООН обладает исключительным мандатом на учреждение, продление и изменение параметров миротворческих операций. Поскольку каждое из пяти постоянных государств (США, Великобритания, Франция, Россия и Китай) имеет право вето, принятие решений по ключевым вопросам миротворчества часто превращается в арену геополитических столкновений. Как отмечает аналитический обзор миротворческой практики ООН, споры великих держав о содержании мандатов способны приводить к формулировкам, не соответствующим реалиям конфликта, что снижает способность миссий выполнять поставленные задачи [2, с. 22]. Даже при формальных соглашениях в Совете Безопасности страны-доноры регулярно добиваются включения положений, ограничивающих действия миссий, что являет собой компромисс политических интересов, но в то же время ослабляет операционную эффективность. К примеру, в 2016-2020 годах Совет Безопасности неоднократно сталкивался с разногласиями по поводу расширения мандата миссии ООН в Южном Судане (UNMISS) в части защиты гражданских лиц и расследования нарушений прав человека [3]. Конфликт в Южном Судане, начавшийся в 2013 году как борьба между правительственными силами и оппозицией, быстро перерос в масштабную гражданскую войну с многочисленными этническими столкновениями, массовыми убийствами и вынужденным перемещением сотен тысяч людей. Несмотря на эти тяжёлые гуманитарные последствия и широкое международное обсуждение ситуации, процесс изменения мандата миссии продвигался крайне медленно и фрагментарно. В итоге UNMISS сталкивалась с серьёзными ограничениями в возможности реагировать на развивающиеся угрозы, защищать мирное население и документировать нарушения прав человека.

Во-вторых, кризис миротворчества усугубляется противоречивостью национальных интересов государств-доноров. Политическая поддержка миротворчества далеко не всегда определяется объективной потребностью в обеспечении мира. Часто она связана с национальными интересами государств-доноров. По данным Pew Research Center, на пике миротворческой активности в 1994 году общее количество

военнослужащих в миссиях ООН превышало 79 000 человек, однако уже к началу 2020-х годов это число сократилось до примерно 72 000, несмотря на рост числа конфликтов [4]. Такое сокращение отражает политическую реальность: государства-доноры, особенно в условиях экономической неопределённости, оказывают поддержку только тем миссиям, которые совпадают с их стратегическими интересами или где политический риск минимален. В ситуациях, которые считаются менее выгодными с точки зрения влияния на глобальную или региональную безопасность, миссии получают ограниченное финансирование, слабую логистическую поддержку и минимальные усилия по мобилизации международного сообщества, что ослабляет их потенциал.

В-третьих, серьёзным политическим ограничением остаётся принцип государственного суверенитета, который нередко вступает в противоречие с задачами защиты гражданского населения. В условиях современных внутрисостоятельных конфликтов правительства принимающих стран зачастую воспринимают расширение полномочий миротворческих миссий как угрозу суверенитету и политическому контролю. Это приводит к сдерживанию мандатов и жёсткой зависимости действий миротворцев от согласия национальных властей. Характерным примером является деятельность миссии ООН в Мали (MINUSMA). Конфликт в Мали начался в 2012 году с вооружённого восстания на севере страны, в ходе которого повстанческие группы взяли под контроль значительные территории, что вызвало обострение этнических и политических противостояний. Несмотря на наличие мандата по защите гражданского населения, миссия ООН в Мали (MINUSMA) сталкивалась с ограничениями со стороны национальных властей, что ослабляло её способность действовать на местах [5]. В результате, 30 июня 2023 года Совет Безопасности единогласно принял резолюцию о завершении работы MINUSMA по просьбе переходного правительства Мали. Как отметил министр иностранных дел Мали Абдулайе Диоп, «миротворческая миссия ООН не смогла сделать ситуацию в стране безопаснее, и более того – вызвала своими действиями чувство недоверия среди населения страны» [6]. В результате решения национальных властей напрямую ограничили действия миротворцев и свели на нет часть возможностей миссии, несмотря на официальный мандат.

В-четвёртых, кризис миротворчества связан с отсутствием устойчивой политической воли для реализации долгосрочных стратегий. Миротворческие операции традиционно ориентированы на краткосрочные цели, такие как прекращение огня, прекращение насилия, создание условий для политического диалога. Однако современные конфликты требуют долгосрочных стратегий и системной политической поддержки, включая реформирование безопасности, восстановление государственных институтов и примирение сторон. Исследования показывают, что миссии, которые имеют чёткие политические стратегии с участием ключевых акторов, достигают лучших результатов. Например, гражданская война в Либерии, начавшаяся в 1989 году с вооружённого восстания против режима Самуэля Доу и перераставшая в многолетнее противостояние с участием нескольких вооружённых фракций, требовала комплексного подхода, включающего восстановление государственных структур, реформу сектора безопасности и примирение противоборствующих сторон. Миссия ООН в Либерии (UNMIL) смогла создать условия для проведения успешных выборов и восстановления безопасности после многолетнего конфликта [7, с. 701], благодаря активной поддержке на высоком уровне. Тем не менее такие примеры остаются редкостью. В большинстве операций политическая поддержка со стороны ведущих государств ограничивается отдельными инициативами и часто прекращается после начального этапа миссии. В отсутствие постоянного внимания и координации, происходит снижение продолжительности и устойчивости достигнутых результатов, ограничиваются возможности миротворческих операций в обеспечении долгосрочного мира.

Таким образом, эффективность миротворческих операций ООН в значительной степени определяется политическими факторами. Консенсус в Совете Безопасности, приоритет национальных интересов государств-доноров и уважение суверенитета принимающих стран формируют рамки, в которых миссии могут действовать. Ограничения, связанные с политической волей государств, напрямую влияют на содержание мандатов, объём полномочий и распределение ресурсов, что сказывается на способности операций достигать поставленных целей. В результате даже профессионально подготовленные контингенты и хорошо разработанные планы миссий сталкиваются с ограничениями, заложенными на политическом уровне. Это показывает, что любые усилия по повышению результативности миротворчества невозможны без учёта политических реалий и согласованного подхода государств-членов к обеспечению международного мира и безопасности.

#### Литература

1. Что такое деятельность по поддержанию мира. Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://peacekeeping.un.org/ru/what-is-peacekeeping> (Дата обращения: 20.02.2026)
2. Sitkowski A. UN Peacekeeping: Myth and Reality. – Santa Barbara: Praeger, 2006. – 208 с.
3. Hunt C. Waiting for Peace: A Review on UNMISS' Political Strategy in South Sudan. – New York: United Nations University. – 2020. – С. 65-93.
4. Gao G. UN peacekeeping at new highs after post-Cold War surge and decline. – Pew Research Center. – 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2016/03/02/un-peacekeeping-at-new-highs-after-post-cold-war-surge-and-decline/> (Дата обращения: 21.02.2026)
5. Резолюция 2100 Совета Безопасности ООН (2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/748429?v=pdf#files> (Дата обращения: 21.02.2026)

6. Mali orders UN peacekeeping mission to leave. Deutsche Welle (DW), June 16, 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/en/mali-orders-un-peacekeeping-mission-to-leave/a-65945836> (Дата обращения: 21.02.2026)

7. Koops J.A., MacQueen N., Tardy T., Williams P.D. The Oxford handbook of United Nations peacekeeping operations. – Oxford: Oxford university press, 2015. – 908 с.

**Әбдіхадыр Ә.Т.**, Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университеті, филология факультеті, КО-23-1к-топ, студент

*(Ғылыми жетекші – Философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор Б.Е. Сыздықова)*

## **ӘДЕБИЕТТЕГІ ОБСЕССИВТІ ҚУДАЛАУ (СТАЛКИНГ): КӨРКЕМ БЕЙНЕ, ТЕОРИЯЛЫҚ НЕГІЗДЕР ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ДЕКОНСТРУКЦИЯ**

Обсессивті қудалау немесе stalking – белгілі бір тұлғаның басқа адамға қатысты қайталанатын, қалаусыз және психологиялық қысым тудыратын әрекеттер жүйесі. Криминологиялық және клиникалық психологияда stalking «қайталанатын бақылау, байланыс орнатуға мәжбүрлеу, қудалау немесе қорқыту әрекеттері арқылы жәбірленушінің еркіндігін шектеу» ретінде анықталады [1,7 б.].

Бұл феномен кейде ғылыми талдаудан тыс қалуда, өйткені мәдени сана оны жиі «терең махаббат», «құмарлық» немесе «романтикалық ерлік» ретінде бейнелейді. Әдебиет пен кино, бұқаралық ақпарат құралдарының кейбір туындылары stalkingті романтика мен құмарлықтың көркемдік белгісі ретінде көрсетеді, бұл қоғамда оның қауіптілігін азайтып көрсетуге әкеледі. Сол себепті stalkingті мәдени бейнелеу тұрғысынан зерттеу ерекше маңызды міндет болып табылады. Бұл тәсіл:

- Stalkingтің көркем бейнесі мен мәдени кодтарын ашуға,
- Қоғамдағы стереотиптер мен нормаларды талдауға,
- Психологиялық қауіпті әдеби талдау арқылы тануға мүмкіндік береді.

Мысалы, кейбір классикалық және заманауи шығармалардағы кейіпкерлердің әрекеттері «жоғары эмоционалды құмарлық» деп қабылданады, алайда бұл әрекеттер құқықтық және моральдық тұрғыдан қауіпті мінез-құлыққа жатады [2].

Әдебиет – мәдени нормаларды қалыптастырудың ең қуатты инструменттерінің бірі. Сондықтан көркем мәтіндердегі stalking мотивтерін анықтау, сыни талдау және деконструкциялау арқылы қоғамдық санада «еркінен тыс қудалау» мен «махаббат» арасындағы шекараны айқындауға болады.

Осы мақала үш негізгі міндетті шешуге бағытталған: біріншіден, stalkingтің психологиялық-клиникалық теориялық негізін баяндау, екіншіден, қазақ әдебиетіндегі обсессивті мотивтерді талдау, үшіншіден, қазақ және батыс әдебиетіндегі романтизация деңгейін салыстыру.

Stalking ұғымының ғылыми анықтамасы мен жіктелуі қазіргі криминологиялық, клиникалық психология және психиатрия салаларында жақсы зерттелген. Бұған байланысты төменде ұсынылған Пол Муллен, Мишель Патэ және Розмари Пёрселл (2009) жіктеуі – stalking зерттеулеріндегі ең танымал және клиникалық практикада кеңінен қолданылады.

Пол Муллен, Мишель Патэ және Розмари Пёрселл ұсынған классификация мотивациялық-қатынастық (motivational-relational) негізде құрылған және stalkingтің тек романтикалық емес, әртүрлі себептерден (кек, билік, бақылау, сексуалдық ниет) туындайтынын көрсетеді. Ғалымдан оны бес негізгі типке жіктейді:

1) Бұрынғы серіктесінің бас тарту, бетін қайтару (Rejected stalker) – stalkingтің ең жиі кездесетін түрі. Бұл stalkерлердің басты мақсаты бұрынғы серіктесін қайтару/бас тартқаны үшін кек алу болуы мүмкін (көп жағдайда). Негізгі белгілері: қызғаныш, иемдену сезімі, эмоционалдық тәуелділік. Қауіп деңгейі: жоғары – зорлыққа (физикалық шабуыл) жиі ұласады (зерттеулерде 50-60% жағдайда күш көрсету, зорлық/қорқыту болған). Кампхуйс және Эммелькамп (2003) бойынша бақылау қажеттілігі билік пен иемдену сезіміне негізделеді.

2) Ренжіген / наразы stalkер (Resentful stalker) - өзін жәбірленуші ретінде сезінеді, мысалы, жұмыстағы әділетсіздік немесе қызметтік қаттығыстар салдарынан. Ол жәбірленушіні қорқыту, мазасын алу арқылы «әділеттілікті» қалпына келтіремін деп ойлауы мүмкін. Негізгі белгілері: Паранойялық ойлар, қорлау сезімі, көбіне қоғамдық немесе жұмыс ортасында байқалады. Қауіп деңгейі: Қорқыту және мүлікке зақым келтіру жиі кездеседі, бірақ зерттеулер анықтағандай stalkingтің мұндай түрінде физикалық зорлық сирек кездеседі.

3) Иллюзияға берілген/романтизацияланған stalking. Мұнда stalkер жәбірленушіні «нағыз махаббатым» немесе «тағдырым» деп елестетеді (көбіне эротомания немесе ойдын бұзылуы). Олар мұны жалғыздықтан құтылу, «қарым-қатынас» орнату деп түсінуі мүмкін. Белгілері: идеализация, хаттар, сыйлықтар, «ол да мені сүйеді» деген иллюзия. Қауіп: орташа – ұзаққа созылады, бірақ зорлық сирек.

4) Үмітшіл stalking. Бұған көбіне әлеуметтік кемшілігі бар адамдар жатады. Оларды бұған итермелейтін жалғыздық, сексуалдық қажеттілік, «қарым-қатынасқа лайықпын» деген өзімшілдік сезімі. Белгілері: қатыгез, әдепсіз әрекеттер (бас тартуға қарамастан қысым жасау). Қауіп: төмен – әдетте қысқа мерзімді, зорлық сирек.

5) Жыртқыш stalkер. Ең қауіпті тип (сирек, бірақ өте қатерлі). Оларды мұндайға итермелейтін сексуалдық/зорлық шабуылға дайындық. Бұл көп жағдайда қалыпты сексуалдық қызығушылықтан ауытқып, ерекше немесе әлеуметтік тұрғыдан қауіпті сексуалдық құмарлықтар (paraphilias), басқа адамның жекелік